

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

Г л а в а I.

Назначеніе эскадроновъ на усмиреніе въ Курляндію.—Дорога въ Митаву.—
Западная Двина.—Слухи о латышской революціи.—Баронскіе замки.—От-
ношеніе къ войскамъ.—„Военный совѣтъ“ у губернатора.

Въ концѣ іюля 1905 года кавалерійскій полкъ шелъ по
дебрямъ Бѣлоруссіи.

Стояла томительная жара безъ малѣйшаго дуновенія
въ раскаленномъ воздухѣ. Первобытная дорога пролегала
то по сыпучимъ пескамъ, окутывавшимъ эскадроны мель-
чайшею пылью, то по болотамъ, преддверію знаменитаго Полѣсья,
съ тучами назойливѣйшихъ насѣкомыхъ. Убогія деревни, попадав-
шіяся по пути, съ кое-какъ сложенными изъ неотесанныхъ бревенъ
избами при ужасающей грязи во дворахъ, производили гнетущее
впечатлѣніе. Ни садика, ни опрятнаго строенія, ни проблеска до-
вольства!

По обыкновенію, вступая въ деревни, трубачи продували отъ
пыли свои трубы и начинали лѣниво наигрывать какой-нибудь за-
тасканный маршъ. На вялые звуки его выбѣгали въ однѣхъ руба-
шенкахъ немытыя, нечесанныя дѣтишки, такіе же неопрятные
взрослые и съ тупыми застывшими лицами смотрѣли на „москалей“
бабы. И невеселое настроеніе отъ всего этого только усиливалось.
А впереди предстояло не мало такихъ скучныхъ дней—лѣса, бо-
лота, деревни, въ которыхъ, въ довершеніе всего, приходилось и
ночевать.

Въ одинъ изъ такихъ дней предъ самымъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь получено было предписаніе немедленно выдѣлить изъ состава полка два эскадрона, форсированнымъ маршемъ вернуть ихъ въ штабъ, чтобы оттуда спѣшно по желѣзной дорогѣ направить въ Митаву. Два эскадрона полка задолго предъ тѣмъ уже были посланы бороться съ внутренними врагами—крестьянами за ихъ аграрныя вождедѣнія и евреями, стремящимися расширить кругъ своей эксплуатаціонной дѣятельности. Неприванный пока подавлять безпорядки, дивизіонъ поплелся себѣ дальше—ему въ поганомъ городкѣ предстояло отбыть скучнѣйшіе „сборы съ пѣхотой“, а послѣ тою же дорогою вернуться обратно. Никому не улыбалась и эта перспектива, а все же она была привлекательнѣе „усмиренія“, „содѣйствія гражданскимъ властямъ“.

Изъ краткихъ сообщеній, время отъ времени появлявшихся въ газетахъ, смутно было извѣстно, что въ Прибалтійскомъ краѣ творится что-то неладное. Но мало кто интересовался этими отрывочными извѣстіями. Кой-гдѣ въ Бѣлоруссіи и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ начинались уже безпорядки, но имъ тогда еще не удѣляли должнаго вниманія. Никто не думалъ, что это грозные предвѣстники огромнаго пожара, скоро озарившаго своимъ зловѣщимъ заревомъ страну отъ Вислы до Тихаго океана.

Драгунъ, собственно не знавшихъ, съ какимъ врагомъ они ѣдутъ биться, быстро повезли на Минскъ, Вильно, Двинскъ въ совсѣмъ невѣдомую имъ Курляндію. „Бунтуютъ тамъ какіе-то латыши“. Кто они такіе, что ихъ понудило бунтовать? Мало ли разныхъ народовъ въ обширной Россіи живетъ—всѣхъ не узнаешь! Нѣкоторые, впрочемъ, знали, что въ Курляндіи обитали бароны, что край тотъ въ нѣкоторомъ родѣ фантастическій, такъ какъ извѣстно, вѣдь, что каждому изъ нихъ присуща своя фантазія.

Эшелонъ быстро слѣдовалъ впередъ, не задерживаясь на станціяхъ, даже очень большихъ, передаточныхъ. Для нашихъ дорогъ это совсѣмъ необычно, изъ чего и заключить было можно, что впереди предстояло что-то серьезное. На станціяхъ уже говорили, что въ Курляндіи идетъ сильное движеніе среди латышей, поднимавшихся противъ своихъ многовѣковыхъ угнетателей и долго мирволившей имъ власти.

Но въ Крейцбургѣ, гдѣ нужно было свернуть на недалекую уже Митаву, эшелонъ споткнулся. Причина задержки неизвѣстна была и станціонному начальству. Послѣ чуть не полусуточного томительнаго ожиданія тронулись дальше.

Переѣхали красавицу Двину „съ серебряными берегами и золотымъ дномъ“ (слова Іоанна Грознаго), этотъ древній Эриданъ и

знаменитый путь „изъ Варягъ въ Греки“. Широкая рѣка течетъ здѣсь въ высокихъ скалистыхъ берегахъ. За нею лежитъ Курляндія. Въ глубокой древности еще сюда стремились финикіяне, греки, римляне за янтаремъ, цѣнившимся тогда выше драгоцѣннѣйшихъ камней: Геліады, дочери солнца (Геліоса) запрягли Фаэтону отцовскую колесницу. Юноша не справился съ безсмертными конями, сбился съ пути. Земля едва не была охвачена общимъ пожаромъ. Но Зевсъ-Громовержецъ ударомъ молніи въ-время поразилъ Фаэтона. Тѣло его свалилось въ Эриданъ. Геліады плакали о гибели брата, слезы ихъ обращались въ янтарь. У грековъ онъ такъ и назывался— „слезами Геліадъ“.

Народы, жившіе по Двинѣ, платили дань полоцкимъ князьямъ, въ нижнемъ теченіи ея стали уже возникать русскіе города (Герсикъ, Кукейнось), владѣнія ихъ постепенно распространялись все дальше, къ „выходу въ море“. И затянувшаяся послѣ на много вѣковъ историческая задача еще тогда легко могла рѣшиться. Но неблагоприятный своими послѣдствіями для страны вѣтеръ (во второй половинѣ XII в.) прибилъ въ Двину корабль нѣмецкихъ купцовъ. Они поторговали, хорошо поживились, стали повторять визиты и беспрепятственно заводятъ колоніи. Но вотъ въ 1186 г. на берегъ Двины высадились нѣмцы—воины, неся съ собою крестъ для просвѣщенія язычниковъ и мечъ. Русскіе князья позволили Мейнгарду „проповѣдовать слово Божіе“, не предвидя, сколько горя странѣ принесло съ собою водвореніе пришельцевъ, сколько потоковъ крови прольетъ просвѣтительный мечъ!

Скоро (1202 г.), по мысли епископа Альберта, „вооруженнаго апостола Ливоніи“,—папа Иннокентій III учредилъ духовно-рыцарскій орденъ. На призывъ Св. Отца въ край устремились толпы рыцарей заслужить въ борьбѣ съ язычниками обѣщанное отпущеніе грѣховъ. Соглашавшихся страха ради креститься—порабощали, упорствовавшихъ—истребляли. Съ того времени здѣсь началось полное владычество нѣмцевъ.

Не доѣзжая Митавы всего лишь одной версты, поѣздъ былъ снова задержанъ часа на два, что было уже совсѣмъ неудобно. Приближался вечеръ. Хотѣлось къ тому же скорѣе посмотреть этотъ городъ, бывшую столицу герцоговъ курляндскихъ, изъ которыхъ одинъ такъ долго угнеталъ Россію.

Приѣхали, наконецъ, „выгрузились“. Эскадроны встрѣтилъ любезнѣйшій вице-губернаторъ, а спустя нѣсколько минутъ прибылъ и самъ „благополучно“ управлявшій губерніею ужъ лѣтъ десять. Пригласивъ офицеровъ явиться къ нему въ 11 часовъ ночи на „военный совѣтъ“, оставилъ онъ одинъ эскадронъ въ самомъ городѣ,

другой отправилъ въ ближайшее имѣніе. Съ послѣднимъ, перейдя полноводную р. Аа, по прекрасному шоссе, мы направились въ назначенную стоянку—им. Паульсгнаде—Павла даръ.

Что это могло значить, какого Павла? Скоро разъяснилось—на дорогѣ, гдѣ свернули въ самое имѣніе, стоитъ памятникъ съ бюстомъ Павла I и надписью, гласящею, что имѣніе, въ границы котораго вѣзжали, было пожаловано барону Императоромъ. Послѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи (1795 г.) въ казну перешло очень много герцогскихъ имѣній. Ими-то и награждались ловкіе люди. Екатерина II осыпала своихъ любимцевъ помѣстіями съ тысячами „душъ“ за одни подвиги, сынъ ея—за другіе—искусное, напр., владѣніе шпагой, знаніе тонкостей запутанныхъ военныхъ уставовъ и пр. въ этомъ родѣ. Къ Паульсгнаде принадлежатъ хорошіе два замка и цѣлый лабиринтъ капитальныхъ построекъ.

Въ Курляндіи имѣнія называются мызами, помѣщичьи дома непременно замками, если даже они ничего общаго съ ними не имѣютъ. Приходилось слышать это громкое названіе, примѣняемое къ небольшимъ деревяннымъ домамъ. Обыкновеніе такъ величать баронскія жилища объясняется просто: они вѣдь всѣ рыцари, а рыцарь и замокъ—нераздѣльные понятія.

Первый просвѣтитель страны, августинскій монахъ Мейнгардъ—началъ свою дѣятельность съ постройки замковъ. Съ теченіемъ времени укрѣпленныхъ замковъ нѣмцы понастроили очень много—это были тѣ неприступныя орлиныя гнѣзда, съ которыхъ они слетали за добычею и, благодаря которымъ, держали въ повиновеніи покоренный народъ. Побѣдители, подѣливъ между собою страну, всегда жили и продолжаютъ жить среди враждебнаго имъ населенія—высокомѣрнаго взгляда на него они не измѣнили и донунѣ, плоды чего теперь и пожинаютъ.

Громаднѣйшій баронскій домъ въ Паульсгнаде угрюмо стоялъ съ запертыми ставнями. Толпа революціонеровъ являлась сюда диктовать свои экономическія условія. Они были несоразмѣрно велики, принять ихъ не было возможности. Случай убійствъ бароновъ были уже. И, опасаясь повторенія нежеланныхъ визитовъ, владѣлецъ покинулъ имѣніе. Для охраны его теперь водворялся цѣлый эскадронъ.

Администрація встрѣтила драгунъ съ распростертыми объятіями, любезно предоставляя все въ ихъ распоряженіе, говоря, что таково „повелѣніе г-на барона“. А такъ еще недавно, когда въ губерніи бывали иногда маневры, бароны и графы весьма неохотно терпѣли въ границахъ своихъ обширныхъ помѣстій войска. За самый пустой причиненный ущербъ, чего подчасъ избѣжать невозможно, тотчасъ же сыпались энергичные протесты и жалобы—до военнаго министра

включительно. Часто намъ приходилось и испытывать на себѣ отношенія надменныхъ потомковъ рыцарей къ маневрирующимъ. Промоченные до костей холодными осенними дождями, на которые Курляндское небо такъ щедро, офицеры подчасъ пытались найти гостеприимство для себя и солдатъ подъ кровомъ имѣній, но обыкновенно встрѣчали отказъ, даже въ просьбѣ продать молоко. Въ баронскихъ имѣніяхъ отводить квартиръ нельзя—они „свободные отъ постоя“, хотя обыкновенно въ каждомъ замкѣ имѣются десятки запасныхъ комнатъ, всегда готовыхъ принять гостей. Для солдатъ и лошадей нашлись бы также прекрасныя помѣщенія. Иногда исключенія дѣлались для кавалеристовъ—къ нимъ еще снисходили. Среди мѣстнаго дворянства много отставныхъ кавалеристовъ, болѣе всего гвардейскихъ, съ ихъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ арміи. Но обстоятельства измѣнчивы: владѣльцы замковъ, забывъ свою гордость, теперь всячески стали ухаживать даже за солдатами, видя въ нихъ спасителей; и сами уже обращались съ просьбами поставить въ имѣніе „хотя-бы нѣсколько драгунъ“. Словомъ, картина рѣзко измѣнилась. Офицеры, памятуя прежнее, посмѣивались себѣ. Съ 1-го августа курляндское дворянство начало даже отпустить „на улучшеніе пищи“ по 10 коп. въ день на каждого нижняго чина и суточные: командирамъ ротъ, эскадроновъ по 4 руб., прочимъ офицерамъ по 3. Отъ полученія этой подачки, по благоумному предложенію генераль-губернатора, офицеры уклонились. Черезъ мѣсяць отпускъ нижнимъ чинамъ былъ сокращенъ до 3 коп., послѣ до 2-хъ, а съ декабря и совсѣмъ прекратился. Правда, и платить-то собственно было не за что—замки начали систематически сжигаться латышами, а войска въ безсиліи своемъ даже очистили уѣзды, города.

Но эта плата войскамъ, какъ бы пришедшимъ исключительно только для защиты баронскаго имущества, чему свидѣтельствовало размѣщеніе ихъ небольшими командами по имѣніямъ, давала основаніе революціонерамъ называть ихъ въ прокламаціяхъ „наемниками бароновъ“. А это немало подрывало ихъ въ глазахъ населенія, возставшаго, помимо прочаго, противъ нѣмецкаго феодализма.

Въ 11 часовъ ночи офицеры собрались у губернатора на „военный совѣтъ“. Кромѣ нихъ, въ немъ приняли участіе: вице-губернаторъ, начальникъ гарнизона, уѣздн. начальникъ, предводитель дворянства, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, прокуроръ и др. Отсутствовали только почему-то жандармы. Странно было предъявленное губернаторомъ требованіе: выяснить, какъ глубоко въ его губерніи пустила корни пропаганда, и какъ многочисленны

шатавшіяся по краю партіи революціонеровъ. И это послѣ десятилѣтняго хозяйничанья въ губерніи. Что дѣлали жандармы и полиція, прозѣвавшіе развитіе движенія! Что дѣлалъ, наконецъ, самъ губернаторъ! Его, впрочемъ, недѣли черезъ двѣ уволили. Задавъ такой вопросъ, губернаторъ предложилъ членамъ совѣта высказать свое мнѣніе.

Уѣздный начальникъ весьма обстоятельно доложилъ о вынесенномъ имъ изъ объѣзда впечатлѣніи. Явствовало, что все обстояло неблагополучно. Толпы революціонеровъ, которыхъ впрочемъ лично онъ не видѣлъ, шатались по уѣзду, громили волостныя правленія, пастораты, разстрѣливали въ первыхъ портреты Государя Императора. Далѣе жгли безпощадно у помѣщиковъ сѣно и хлѣбъ. Выходило, что губернаторъ имѣлъ уже дѣло чуть что не съ начинающимся открытымъ возстаніемъ. Уѣздный начальникъ только не зналъ, какъ измѣрять численность шаекъ—сотнями или тысячами. По этой части свѣдѣнія были сбивчивы. Митавскій уѣздъ съ довольно развитой промышленностью, съ большимъ числомъ рабочаго люда, съ преобладаніемъ въ мѣстечкахъ еврейскаго населенія, считался у властей неблагонадежнымъ.

Говорили потомъ и другіе. Изъ ихъ рѣчей можно было заключить, что они мало свѣдуши, и что нѣкоторымъ изъ нихъ менѣе всего знакомъ русскій языкъ. Одного и совсѣмъ нельзя было понять. Рѣчь его внесла оживленіе въ скучнѣйшій совѣтъ. Ораторъ, нервно вертя въ рукахъ карандашъ, говорилъ буквально такіа фразы: „моя пришла“... О! ја... моя пришла...“ Запутавшись окончательно въ дебряхъ невѣдомаго ему языка, ораторъ сконфузился и умолкъ. Жаль, этикетъ не позволялъ посмѣяться!

Въ заключеніе говорилъ прокуроръ. Послѣ курьезныхъ издѣвательствъ надъ государственнымъ языкомъ, пріятно было послушать прокурора. Въ весьма мрачныхъ краскахъ обрисовалъ онъ положеніе дѣлъ въ губерніи и въ ближайшемъ будущемъ предсказывалъ еще худшее. Намъ думалось тогда, что прокуроръ, такъ сказать, по специальности своей сгущаетъ краски. Къ сожалѣнію, онъ оказался правъ. Губернаторъ почти cadaго грубо, по-помпадурски (и голосъ-то у него подходящій) перебивалъ, вставлялъ замѣчанія, поправки. Нельзя сказать, чтобы онѣ были глубокомыслены и свидѣтельствовали о знаніи „ввѣреннаго“ ему края. Ходили сплетни, что имъ собственно управлялъ не онъ, находясь одновременно подъ вліяніемъ двухъ враждебныхъ элементовъ въ губерніи.

По окончаніи выясненія, начался разрабатываться планъ подавленія возстанія. Слабымъ эскадронамъ ставилось въ задачу: раздробившись на маленькіе отряды, все время ходить по уѣзду (съ воз-

вращеніемъ въ Митаву), наблюдать, хватать и крамолу искоренять. Выходило какое-то regretum mobile. Въ наступившую критическую минуту губернатору приходилось проявлять энергію. Инструкція дана была дѣйствительно энергичная, но—неудобоисполнимая. Ее на другой же день нѣсколько исправили, подробности разработали, указали пункты, чуть не часы, гдѣ и какъ ловить и т. д. Но непредвидѣнное донесеніе въ тотъ же день послужило причиною, что вся инструкція пошла на смарку. Такова уже участь всѣхъ сложныхъ предначертаній, не берущихъ во вниманіе измѣнчивости обстоятельствъ!

Военный совѣтъ разошелся около 3 часовъ ночи.

Администраторы, вѣрно, заснули спокойно,—они исполнили свой долгъ—преподали инструкцію. Не хорошо только чувствовали себя военные—имъ навязали не совсѣмъ подходящую роль. Ну, разогнать, вздуть—это просто, а то выясняй, пресѣкай, арестовывай.

Слѣдующій по прибытіи день давался на устройство помѣщеній эскадроновъ и отдыхъ предъ предстоящими трудами.

Е. А. Альбовскій.

